Е.В. Уздинская, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; e-mail: levitzky@mail.ru

ПОДДЕРЖКА ИЛИ ОПРОВЕРЖЕНИЕ? РОЛЬ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ТАКТИКЕ «ВОЗРАЖЕНИЕ ПОД ВИДОМ СОГЛАСИЯ» (на материале газетной речи)[1]

В работе исследуются функции тактики «возражение под видом согласия» в газетном тексте и языковые средства, определяющие эффект указанной тактики. Анализ материала показал, что языковые средства и приемы, использующиеся в данной тактике, с одной стороны, выражают готовность к сотрудничеству с оппонентом, с другой стороны — показывают превосходство мнения автора над мнением оппонента. При этом информация в правой части соответствующей конструкции («зона несогласия») представлена как более важная по сравнению с информацией в левой части («зона согласия»). Характер использования языковых средств позволяет рассматривать указанную тактику не только как средство смягчения категоричности речи, но и как средство манипуляции адресатом.

Ключевые слова: *тактика, возражение, согласие, возражение под видом согласия, смягчение категоричности, манипуляция.*

The article deals with the functions of the tactics "objection in the disguise of agreement" in the newspaper text; the language means defining the effect of the above-mentioned tactics are researched. The analysis of the material has revealed that the language means and techniques applied in this tactics express, on the one hand, readiness to cooperate with the opponent, and on the other hand, they demonstrate the superiority of the author's opinion over the one of the opponent. At the same time the information in the right-hand part of the corresponding structure ("disagreement zone") is represented as more important as compared to the information in the left-hand part ("agreement zone"). The method of language means usage allows to consider the stated tactics not only as the means of softening the straightforwardness of speech, but also as the means of manipulating the addressee.

Key words*: tactics, objection, agreement, objection in the disguise of agreement, softening the straightforwardness, manipulating*

Среди различных приемов эффективного общения выделяется тактика, которую называют «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 137]. Она состоит в том, что «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут

[1] Статья написана на основе доклада, сделанного автором на Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра. Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [там же]. Привлекательность тактики «возражение под видом согласия» (обозначаемой при помощи формулы «Да. Но...») объясняется тем, что она позволяет, с одной стороны, избежать излишней категоричности в споре, с другой стороны — усилить значимость мнения говорящего и еще вернее опровергнуть оппонента.

В газетных текстах использование «возражения под видом согласия» очень разнообразно, что и определило выбор материала данного исследования. Исследователями газетной речи тактика «возражение под видом согласия» отмечалась в ряду приемов, позволяющих избежать излишней категоричности; использование ее характеризует стиль «культурных авторов, склонных к толерантности, стремящихся понять точку зрения оппонента» [Кормилицына, 2003, с. 58]. В данном исследовании мы рассмотрим некоторые дополнительные функции тактики «возражение под видом согласия» в газетном тексте и попытаемся выявить набор языковых средств, определяющих ее воздействующий эффект. Нами были использованы материалы газет «Литературная газета» (ЛГ), «Труд», «Российская газета» (РГ), «Известия» (Изв.), «Аргументы и факты» (АиФ), «Московский комсомолец» (МК), «Комсомольская правда» (КП).

Функции тактики «возражение под видом согласия» в газетном тексте достаточно разнообразны. В некоторых случаях (прежде всего в публикациях интервью и беседах) более чем где-либо проявляется функция смягчения возражения, позволяющая разговору протекать гладко, а собеседникам чувствовать себя комфортно.

(1) — *В Германии тоже есть другие историки. Например, из правой части политического спектра, не согласные с постулатом «исторической вины».*

— Да, они публикуются, открыто артикулируют свое мнение. В то же время — обратите внимание — ни один из этих публицистов не является университетским профессором... (ЛГ, 2009, № 45) (курсив и жирный шрифт в примерах мой. — *Е.У.*).

В публикациях интервью можно отметить, кроме того, такую функцию рассматриваемой фигуры, как переключение разговора на другой предмет.

(2) — *Главная коммуникативная функция музея — межвременная, осуществляющая связь между прошлым и сегодняшним днем.*

— Конечно, связь времен чрезвычайно важна. Но мы также рассчитываем, что музей станет местом коммуникации между обществом и СМИ, между обществом и художником... (ЛГ, 2009, № 39—40)

В данном случае говорящие переходят от темы «музей как средство осуществления межвременной коммуникации» к теме «музей

как место коммуникации между обществом и художниками, обществом и СМИ», чему и посвящен весь дальнейший разговор. При этом благодаря рассматриваемой конструкции переключение на другой предмет осуществляется мягко; оно представлено как расширение сферы внимания собеседника.

Однако конструкция «Да. Но...» используется не только в публикациях бесед и интервью, но и в текстах монологических жанров: в статьях, рецензиях, обзорах и т.п. В подобных случаях указанная фигура, помимо демонстрирования толерантности к чужому мнению, выполняет и другую функцию: она позволяет акцентировать внимание на самых важных проблемах публикации и ключевых позициях автора. Вследствие этого соответствующая конструкция часто используется в сильных позициях текста: в начале и в конце. Так, в статье, посвященной взаимоотношению власти и литературы (ЛГ, 2009, № 42), автор упрекает литераторов в излишнем либерализме и неуместных, по его мнению, претензиях к власти, отказывающейся помиловать М. Ходорковского. Статья заканчивается следующим образом:

(3) *Да, конечно, помиловать можно даже тех, кто повинен в тяжких преступлениях. Но закон конкретен: для помилования необходимо, чтобы преступники признали свою вину и раскаялись. Но как раз этого они делать и не собираются* (ЛГ, 2009, № 42).

Аргументы автора кажутся особенно убедительными благодаря тому, что он выражает готовность признать точку зрения оппонентов в самых крайних проявлениях (*даже тех, кто повинен в самых тяжких преступлениях*). Таким образом, все возможные возражения исключаются: ведь они уже учтены автором, следовательно, его позиция не может быть подвергнута сомнениям. А поскольку эта позиция выражена в конце статьи, читатель все ее содержание оценивает и запоминает в соответствии с точкой зрения автора.

В некоторых полемических материалах конструкция «Да. Но...» оказывается существенным компонентом структуры всего текста. Так, в одной из статей Ю. Болдырева (ЛГ, 2008, № 47) рассматривается целый ряд мер правительства по повышению уровня народного представительства в законодательные органы. Обсуждая последовательно каждую из этих мер, автор каждый раз использует рассматриваемую конструкцию. Таким образом, он пытается вначале найти в данной мере нечто позитивное, после чего следует замечание, обнаруживающее ее несостоятельность:

(4) *Первая мера: представительство (по одному-два мандата) партиям, набравшим от 5 до 7 процентов голосов. Позволит ли эта мера решить карьерные задачи лидеров этих партий? Наверное. Но даст ли она возможность на что-то влиять? Очевидно — нет* (ЛГ, 2008, № 47).

В данном случае выражение согласия сопровождается явной иронией автора (решение карьерных вопросов лидеров партий, безусловно, никак не повышает уровень народного представительства). Таким образом, предложенная мера представляется совершенно бессмысленной. Таким же способом обсуждаются в статье другие меры правительства: *Вторая мера* <...>. *Третья мера* <...> *Десятая мера* <...>. В результате у читателя не остается никаких сомнений в неэффективности, непродуманности предлагаемых мер.

Следует заметить, что тактика «возражение под видом согласия» может использоваться не только при реакции на мнение оппонента, но и при своеобразных «самопоправках», когда говорящий вначале как будто противоречит высказанному перед этим им самим утверждению, соглашаясь с неким **потенциальным** оппонентом, но затем сам же опровергает мнение оппонента, возвращаясь, таким образом, к исходному утверждению, проверенному таким способом «на прочность»:

(5) *Публикация в «толстом» журнале — это серьезная заявка... Конечно, журналы выходят уже не миллионными тиражами, но такая большая аудитория начинающему литератору и не нужна* (ЛГ, 2009, № 38).

Во всех случаях конструкция содержит две части: в первой представлена так называемая «область согласия», во второй — «область несогласия».

Действие тактики «возражение под видом согласия» основано на использовании целого ряда языковых средств. Можно заметить, что эти средства определенным образом связаны с представлением информации в «зоне согласия » как несущественной для основного положения дел, а в «зоне несогласия» — как решающей для него. Такая оценка указанных «зон» (по-видимому, и определяющая специфику тактики «возражение под видом согласия») достигается прежде всего при помощи противительного союза *но* и его аналогов: *однако*, *зато*, *только*, *при этом*, *все-таки*, а также союза *а* в значении *но*. Говоря о семантике союза *но*, В. Санников отмечает его способность характеризовать содержание второй части противительной конструкции как «решающее для описываемой ситуации» [Санников, 2008, с. 244—265]. Именно это свойство *но* позволяет использовать первую часть конструкции как «область согласия» (менее важную в данной ситуации), а вторую часть — как «область несогласия» (основную, наиболее важную для данной ситуации). Среди конструкций с союзом *но* Д.Н. Шмелев выделяет особые, изначально предназначенные для передачи «возражения под видом согласия» «усилительно-уступительные фразеосхемы» [цит. по: Булыгина, Шмелев, 1997, с. 141]. Особенностью данных фразеосхем является лексический повтор компонентов: *Работа работой, а отдыхать надо; Читать-то читал, но не запомнил.*

Помимо **синтаксических** средств, передающих «возражение под видом согласия», существуют **лексические** единицы, создающие специфический облик указанной фигуры.

Большинство специфических языковых средств данной конструкции находится в первой ее части.

Одну из групп языковых единиц**, характерных для первой части**, составляют выражения со значением **гипотетичности**: *может, может быть, кажется, казалось бы, вроде бы, ну* и т.п. Слова подобного рода подчеркивают готовность автора сотрудничать с оппонентом и согласиться с ним, даже если реальность факта вызывает сомнение:

(6) ***Может,*** *человечество и расстается со своим прошлым смеясь. Но у нас это расставание принимает самые причудливые формы* (ЛГ, 2006, № 24).

(7) *Русский человек,* ***может****, и снимет последнюю рубаху,* ***может****, совершит подвиг самопожертвования: бросится под танк или выйдет на Красную площадь с табличкой «За вашу и нашу свободу». Но вот выполнить обещанное в срок — на это он органически не способен* (ЛГ, 2010, № 40).

(8) ***Допустим,*** *Обама действительно задумался о переменах. Но сумеет ли он преодолеть эту гигантскую инерцию экспансии?* (ЛГ, 2009, № 29)..

(9) *...А мастерица детективного жанра щебечет о том, что без сказок душе плохо в мире жестокости и обмана.* ***Как будто*** *все верно и отзвук правды есть в речах каждой из сторон. Только нет в них собственно литературы* (ЛГ, 2009, № 41).

Однако значительно большая, основная часть языковых средств, типичных для 1-й части рассматриваемой конструкции, свидетельствует не просто о поддержке оппонента, одобрении его позиции, но и о реальности соответствующего положения вещей. Среди единиц данного рода выделяется три основные группы.

Первую группу составляют слова и выражения, обозначающие **согласие с партнером.** Они могут быть разделены на две подгруппы. В первую входят слова, ***выражающие отношение к мнению оппонента*** (*да, согласен, не спорю, я не против, нет слов* и т.п.). Средства подобного рода рассматривались в упомянутой выше работе Т.В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 137—148]:

(10) *Я с вами* ***совершенно согласен*** *насчет идей. Они замечательные. Но воплощение...* (ЛГ, 2008, № 32).

(11) ***Кто же против*** *гармонизации сотрудничества? Но вот с привязкой к деньгам и технологиям возникают вопросы* (ЛГ, 2009, № 36).

Во вторую подгруппу входят слова и выражения, не просто выражающие поддержку мнения оппонента, но и характеризующие утверждение как ***соответствующее истинному положению вещей***:

конечно, действительно, разумеется, безусловно, естественно и т.п. (О двух соответствующих гранях значения слов типа *конечно, разумеется* и т.п. см. [Дискурсивные слова..., 1998, с. 345—381]):

(12) *Демократия,* ***конечно****, не является панацеей от всех бед, но демократия помогает сегодня оценить масштабы ошибок* (АиФ, 2009, № 39) .

(13) *Солидную добавку персонал принял как должное.*

С одной стороны, общество ***действительно*** *им задолжало, но ведь с другой, и многие из них только и делали вид, что работали* (ЛГ, 2009, № 24).

Можно заметить, что использование слов, выражающих согласие, нередко создает впечатление **ненужности обсуждения** содержания 1-й части высказывания. Не случайно в составе типичных маркеров указанной части конструкции выделяется группа клишированных сочетаний, выражающих отказ от спора и от обсуждения данного вопроса: *спору нет*, *нечего и говорить*, *слов нет* и т.п.:

(14) *Вначале — о «Петре».* ***Слов нет****, прекрасный корабль, предназначенный для уничтожения авианосцев. Но его боевые возможности трагически ограничены именно одиночеством* («Труд», 29.06.09).

К единицам рассматриваемой группы можно отнести также выражение *это святое*, характеризующее утверждение как отражающее высшие, основные нравственные ценности, именно поэтому и не требующие обсуждения.

(15) «*Наших бьют» —* ***это святое****. Но после битвы стоит попытаться понять, в чем это «наши» выражается* (ЛГ, 2006, № 36).

В подобных случаях явно чувствуется ирония автора, обнаруживающая несостоятельность мнения оппонента. «Наших бьют» — это аргумент защитников российских рыбаков, наказанных за браконьерство в норвежских водах. Само выражение, типичное для участников уличных драк, в сочетании с высокой фразой *это святое* явно обнаруживает бездумность позиции оппонентов, ложность их патриотизма.

Ко **второй группе** средств, типичных для 1-й части конструкции «Да. Но...» относятся слова и выражения, указывающие на **известность/понятность** данного положения дел: *понимаю, понятно, известно, знаю, ясно, очевидно* и т.п.

(16) ***Понятно,*** *никто жизни людей уже не вернет, но кто и чем хотя бы ответит?* (ЛГ, 2009, № 33—34).

(17) *Да,* ***знаю,*** *есть публика, которой русский язык кажется очень трудным. Но это е е трудности* (ЛГ, 2009, № 37).

Слова со значением знания и понимания выполняют близкую функцию: в обоих случаях информация представлена как уже имеющаяся в сознании говорящего и, следовательно, учтенная им. При этом слова *понимаю, понятно* и т.п. встречаются в текстах зна-

чительно чаще, чем *знаю*, *известно* и.т.п. Это может быть связано с тем, что использование слов *понимать*, *понятно* в меньшей степени ограничивает круг информации, которая может быть учтена говорящим. Глагол *понимать* может обозначать «любое понимание: логическое и иррациональное, возникшее в результате чьего-либо объяснения или собственных размышлений»[2]. Кроме того, апелляция к пониманию допускает, на наш взгляд, больше возможности манипулирования адресатом: знание в большинстве случаев предполагает какой-либо источник; для понимания же это необязательно, главное — проникнуть в смысл происходящего. Поэтому понять данное утверждение может любой субъект. Этим же, возможно, объясняется преобладание в исследованном материале форм *понятно* (по сравнению с *понимаю*): ситуация представляется учтенной **любым** субъектом, следовательно, в еще меньшей степени требует обсуждения, обращения внимания.

Третью группу единиц, характерных для 1-й части рассматриваемой конструкции, составляют слова и выражения со значением **положительной оценки утверждаемого в «области согласия»**: *это хорошо, замечательно, замечательный, хорошее дело, симпатичны, это вы молодцы, красиво, прекрасно, обнадеживает* и т.п.

(18) *Господдержка — это **замечательно**, но на ней нельзя все время держаться* («Труд», 10.12.08).

(19) *Потратить деньги мы вам поможем! — уверил Путина ямальский губернатор Юрий Пселов. В ответе ВВП прозвучали нотки сомнения: «**Это вы молодцы**. Но потратить надо с умом»* (МК, 25.09.07).

Средства всех перечисленных выше групп тем или иным способом выражают готовность говорящего согласиться с оппонентом, высоко оценить или, во всяком случае, учесть его мнение. Однако даже при использовании подобных слов и выражений нередко возникает впечатление неубедительности, слабости утверждения, содержащегося в данной части конструкции. Как ни странно, это впечатление создают приемы, которые, казалось бы, должны лишь укреплять уверенность в правоте оппонента. К таким приемам относятся, например, повторы, очень характерные для данной фигуры:

(20) ***Да,** Маленков был грамотнее и знал, как управлять страной. **Да,** Берия был лучшим организатором, а Молотов обладал большим авторитетом в партии. Но при этом всем ни один из них не сделал бы главного — не изменил обстановку в стране* (АиФ, 2009, № 42).

Кроме того, как можно заметить, перечисленные нами выше языковые средства могут усиливаться различными интенсификаторами (***совершенно** согласен, без **всяких** сомнений, **никто** не спорит*

[2] Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Вып. 3. С. 241.

и т.п.). Часто слова указанных групп выступают совместно в одной конструкции: (*конечно, хорошо; да, конечно; безусловно, замечательно; можно, конечно; понятно, конечно; да, разумеется, известно* и т.п.).

(21) ***Да***, *еще есть,* ***безусловно,*** *несколько* ***действительно*** *заслуживающих внимания спецпрограмм, но они вытеснены куда-то на периферию* (ЛГ, 2008, № 27).

В каждой из групп «лидером» по частоте употребления являются слова, в которых данное значение проявляется в наибольшей степени. Так, из группы слов, выражающих согласие, наиболее часто используется *конечно*, значительно чаще, чем *да.* Из группы слов, выражающих положительную оценку мнения оппонента, наиболее часто используется слово *замечательно*. Из слов со значением известности, понятности информации наиболее актуально слово *понятно*, свидетельствующее о возможности учесть данную информацию максимально широким кругом лиц. Все это должно было бы подчеркнуть желание говорящего согласиться с собеседником, найти все аргументы «за». Однако на самом деле подобное акцентирование согласия рождает лишь сомнение в значимости «области согласия» (а нередко и в искренности говорящего) и готовит к неизбежному опровержению. В связи с этим можно вспомнить известный рассказ И. Андроникова, в котором один из героев (И.И. Соллертинский), прослушав текст выступления неопытного ведущего, дает ему следующую оценку:

(22) — *Великолепно! Грандиозно! Потрясающе! Высокохудожественно! Научно-популярно! И даже еще более того! Но, к сожалению, все это абсолютно никуда не годится*[3]. Чем более удлиняется ряд обозначений замечательных качеств выступления, чем выше оценки, тем более очевидна ирония автора и слабость, неубедительность выступавшего.

Следует отметить, что в высказываниях с единицами всех четырех групп может использоваться еще один способ снижения значимости «области согласия» — **акцентирование какой-то одной части указанной «области».** Это делает согласие еще более «ущербным». Очень часто в акцентированной части «зоны согласия» находятся неопределенные местоимения. В результате создается представление о небольшой и несущественной части объектов, иногда подчеркивается их чуждость автору, что еще более снижает ценность данного положения дел:

(23) *Может,* ***кому-то*** *эти детали покажутся не заслуживающими внимания, но...* («Труд», 05.07.06).

(24) *Конечно,* ***у кого-то*** *из читателей хватает сил понять <...> Но, как показывает горький опыт, таких читателей очень и очень мало* («Труд», 05.07.08).

[3] *Андроников И.Л.* В первый раз на эстраде // Юность. 1972. № 2.

Ср. другие акцентированные части: *с нашей, стариковской точки зрения..., по нынешним меркам..., в этом отношении..., на бытовом уровне...* и т.п.

(25) *Конечно,* ***на бытовом уровне*** *есть национализм в Казахстане, но он есть и в России. Не стоит раздувать его в СМИ* («Труд», 05.07.06).

На бытовом уровне — это, по мнению автора, небольшая область проявления национализма. Естественно, обсуждать ее в СМИ — значит «раздувать».

Можно заметить, что среди разнообразных единиц, акцентированных в «области согласия», выделяется некоторый относительно устойчивый набор слов и выражений, регулярно повторяющихся в целом ряде примеров и нередко противопоставленный другому набору единиц, типичных для 2-й части конструкции «Да. Но...», т.е. для «области несогласия». Нами выделено несколько групп подобных оппозиций:

1. Идеальное (1-я часть) противопоставляется реальному (2-я часть). Данная группа включает несколько более конкретных противопоставлений:

Идея (идеал) — воплощение

«Область согласия» ограничивается только идеей, «область же несогласия» — это практика, воплощение идеи. Для 1-й части конструкции типичны слова *по идее, в идеале* и т.п.; для 2-й части — *на практике*, *в реальности*, *получилось* и т.п.

(26) ***По идее,*** *сочинская встреча должна была расставить все точки над «и». Но вместо точек* ***получилось*** *многоточие* (Изв., 30.09.09.).

(27) *Конечно,* ***в идеале*** *правительство должно добиваться, чтобы все предприятия, работающие в России, здесь же платили налоги. Однако* ***на практике*** *наиболее эффективным механизмом могло бы стать совмещение кнута и пряника* (ЛГ, 2009, № 35).

Теория (наука) — практика.

«Сфера согласия» ограничивается теорией; для 1-й части типичны слова *теоретически, с научной точки зрения* и т.п., для 2-й части (как и в предыдущей группе) — *на практике*, *при реализации* и т.п.

(28) *Опубликованная программа по борьбе с коррупцией интересна* ***с научной точки зрения,*** *но вызывает сильные сомнения в отношении их* ***реализации*** (ЛГ, 2009, № 41).

(29) ***Теоретически*** *«Роснано» может быть приватизировано. Но таких решений правительство не принимало* (АиФ, 2009, № 38).

Цель — средства.

Для 1-й части типичны слова *цель* и т.п.; для 2-й — *средства* и т.п.

(30) *Итак,* ***«что» и «для чего» —*** *ясно.* ***Цели*** *благие и вряд ли вызывают у кого-либо сомнения. Главной проблемой остается вопрос* ***«как»*** (ЛГ, 2009, № 38).

Использование указанных средств основано, по-видимому, на осторожном, недоверчивом отношении людей ко всему абстрактному, умозрительному; предпочтении ему конкретного дела, практики.

2. Форма (1-я часть) противопоставляется содержанию (2-я часть). В данном случае зона согласия ограничивается формой, зона несогласия связывается с содержанием. В 1-й части используются слова *формально*, *по стилистике* и т.п.; для 2-й части определенные обозначения менее типичны:

(31) ***Формально*** *период радикальных перемен вроде бы принес в итоге некие плоды. Но на всех этих достижениях лежит печать какой-то скороспелости, суетливости* (ЛГ, 2009, № 39—40).

(32) *Да, Обама говорит совсем иначе, чем Буш: Америка должна признать свои ошибки.* ***По стилистике*** *это обнадеживает. А* ***поступки****? Их пока нет* (ЛГ, 2009, № 29).

Акцент на формальном, внешнем сразу обеспечивает «зоне согласия» «поражение»: у большинства людей противопоставление формы и содержания связано с предпочтением содержания, тогда как увлечение внешним, формальным обычно осуждается.

3. Общее (1-я часть) противопоставляется частному (2-я часть). В 1-й части могут использоваться слова *в целом, в общем, по большому счету* и т.п.

(33) ***По большому счету*** *нынешний польский империализм нам всерьез не угрожает <...> Меня только возмущает откровенно циничная позиция Евросоюза* (ЛГ, 2005, № 38).

(34) *Президент, правительство озвучивают все новые и новые врачебные меры.* ***В целом*** *эксперты признают их разумными. Но хватит ли обезболивающих?* (АиФ, 2009, № 1—2).

Использование единиц подобного рода основано, по-видимому, на обычном предпочтении человеком частного, конкретного, более понятного, общему — абстрактному, менее понятному.

4. Одна сторона вопроса противопоставляется другой.

(35) ***С одной стороны,*** *общество действительно им задолжало, но ведь* ***с другой,*** *и многие из них уже давно только и делают вид, что работают* (ЛГ, 2006, № 24).

(36) ***На первый взгляд,*** *действительно много, но это только на первый* (АиФ, 2008, № 24).

(37) *Негативные черты детскости очевидны... Однако есть тут и* ***оборотная сторона*** (ЛГ, 2009, № 36).

С первым взглядом связывается обычно поверхностный подход, поэтому он не вызывает доверия, в отличие от другого взгляда, более глубокого, учитывающего скрытую от нас сторону явлений.

5. Знания неактуальные (1-я часть) противопоставляются знаниям актуальным (2-я часть). В подобных случаях нередко используются частицы: *-то* — в 1-й части, *вот* — во 2-й.

(38) *О комиссии по делам несовершеннолетних мало кто знает. Название**-то** наверняка слышали многие, а **вот** о том, чем она занимается, большинство имеет представление самое примерное* (КП, 08.07.06).

(39) *Да и археологи не подтверждают скандинавского начала нашего государства. Следы скандинавов**-то** на будущей Руси она видит... А **вот** следов некоего княжения, некоей скандинавской государственности — нет* (ЛГ, 2009, № 29).

Использование отмеченных частиц как маркеров актуальных и неактуальных знаний основано на специфике значений *-то* и *вот*. На наш взгляд, основное значение *—то* можно описать следующим образом: «-*То* характеризует обозначенные в высказывании предметы и ситуации как такие, знания о которых являются основными, ключевыми во всей системе общих знаний партнеров» [Уздинская, 1996, с. 11]. Частица *вот* в своем основном значении « употребляется для указания на происходящее в непосредственной близости, непосредственно перед глазами или как бы перед глазами»[4]. Таким образом, как *-то*, так и *вот* связаны с отсылкой к общей апперцепционной базе партнеров, вследствие чего обе частицы выполняют целый ряд общих функций [там же, с. 113]. В рассматриваемых нами примерах названные частицы используются в акцентирующей функции. При этом следы общего, основного значения сохраняются и в данных употреблениях частиц, что, по-видимому, усиливает воздействие тактики «возражение под видом согласия». Так, частица *-то,* маркируя 1-ю часть конструкции «Да. Но...», характеризует выделяемый компонент как наиболее способный быть оцененным говорящим с точки зрения данного признака, поскольку соответствующий объект ему наиболее известен. (Ср.: *Петя-то выучит!* — с точки зрения способности выучить Петя известен более, чем кто-либо другой.) В результате содержание «области согласия» представляется как не очень важное, не стоящее обсуждения: ведь оно и так в данной части понятно и известно более, чем что-либо другое. Так, в примере (38) из всего, что касается комиссии, ее название более, чем что-либо другое, может быть известно многим. Но название — это очень мало по сравнению со всей информацией о комиссии, поэтому данное утверждение никак не влияет на обсуждаемое положение дел. Что касается частицы *вот*, то ее значение («указание на происходящее перед глазами или как бы перед глазами»), по-видимому, влияет на маркирование ей второй части конструкции («области несогласия»). *Вот* характеризует выделяемый элемент как находящийся в сфере внимания, а значит, наиболее актуальный для обсуждаемой ситуации. В рассмотренной нами конструк-

[4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 86.

ции *Название-то слышали многие, а вот о том, чем она занималась, большинство не знает...*, безусловно, важнее 2-я часть (чем занималась комиссия).

Из **единиц, характерных для 2-й части рассматриваемой фигуры** («зоны несогласия»), следует отметить, наряду с частицей *вот*, частицу *ведь*. Подобно частице *вот*, *ведь*, как нам кажется, связана с отсылкой к знаниям говорящих. Но если *вот* **указывает** на **актуальные знания**, то *ведь* **актуализирует** имеющиеся знания собеседников. При этом, как уже отмечалось, отсылка к знанию (пониманию) информации может характеризовать и 1-ю часть конструкции (например, при помощи частицы *-то*, слов *знаю, понятно, ясно* и т.п.). Но для всех средств 1-й части специфика отсылки к знанию (пониманию) состоит в том, что эти знания не требуют актуализации, они очевидны, учитываются говорящими без всякого напоминания. Информация, которая вводится при помощи подобных средств, не требует обсуждения, обращения на нее серьезного внимания. Что касается частицы *ведь*, то она указывает на знания, на которые нужно обратить внимание, о которых надо напомнить (о способности *ведь* в аргументативной функции напоминать о факте см.: [Дискурсивные слова..., 1998, с. 430]), что свидетельствует о важности этих знаний в данной ситуации:

(39) *Я понимаю, что Вы лично не нуждаетесь в господдержке... Но* ***ведь*** *многие писатели нуждаются* (ЛГ, 2009, № 39—40).

(40) *Можно с полным основанием осудить пакт Молотова—Риббентропа... Но* ***ведь*** *годом раньше Франция и Англия подписали с Гитлером известный договор* (АиФ 2009, № 36).

Наряду с *ведь*, функцию напоминания о знаниях адресата могут выполнять выражения *напомню, следует напомнить, вспомните* и т.п., также достаточно часто используемые во 2-й части конструкции.

(41) *При этом понятно***,** *что рыночная экономика строится на стремлении к прибыли, но* ***стоит напомнить***, *что регулирование рентабильности — это отнюдь не изобретение российских ученых* (ЛГ, 2009, № 33—34).

(42) *Пусть тот, кто не хочет даже внешне меняться, так и поступает. Но,* ***извините за напоминание****, люди некоторым образом связаны друг с другом...* (ЛГ, 2009, № 41).

Стремление автора обратить особое внимание адресата на информацию во второй части конструкции проявляется и в использовании целого ряда других приемов.

Так, для 2-й части конструкции «Да. Но...» характерно наличие апеллятивных средств; они активизируют читателя, обращают его внимание на содержание высказывания и, кроме того, позволяют почувствовать себя участником диалога с автором. К средствам подобного рода относятся, например, риторические вопросы:

(43) *Допустим, Обама действительно задумался о переменах.* ***Но сумеет ли он преодолеть эту гигантскую инерцию экспансии?*** (ЛГ, 2009, № 29).

К другим единицам данной группы, часто отмечаемым в рассматриваемой конструкции, относятся средства адресации: *подумайте, представьте, извините, согласитесь, обратите внимание* и т.п. Так же, как и риторические вопросы, подобные слова активизируют внимание адресата, причем заставляют воспринимать содержание высказывания как собственный вывод:

(44) *Да, каждый волен распорядиться своей землей по своему усмотрению. Но вы* ***представляете****, сколько разного рода процедур надо соблюсти?* (ЛГ, 2006, № 24).

(45) *Конечно, этот взгляд был субъективным, но,* ***согласитесь****, он полностью соответствовал стереотипам той эпохи* («Труд», 07.04.07).

Еще одним способом привлечения внимания к содержанию 2-й части конструкции, подчеркивания ее значимости является использование в ней различных средств экспрессивного синтаксиса: риторических восклицаний, усеченных предложений, разговорных конструкций и т.п.:

(46) *Казалось бы, ну и что? Все сделано правильно: сначала фильм показали, потом его обсудили.*

Но ведь как прозвучало! (МК, 25.09.09).

(47) *Оно, конечно, может, и перебор, но* ***каков результат!*** (АиФ, 2009, № 34).

(48) *Казалось бы, катарсиса не избежать,* ***ан нет!*** (ЛГ, 2009, № 41).

Итак, как показывает исследование, тактика «возражение под видом согласия» в газетном тексте позволяет сделать полемику более корректной, тактично перевести разговор на другую тему, акцентировать внимание читателя на самых важных проблемах, обсуждаемых в статье, на позиции автора как наиболее убедительной. Указанная тактика осуществляется при помощи целого ряда языковых средств, которые свидетельствуют о желании автора, с одной стороны, поддержать собеседника, с другой стороны — показать превосходство своей позиции и еще убедительнее его опровергнуть. Для выражения **поддержки оппонента** используются (в 1-й части конструкции) слова со значением согласия, понимания, положительной оценки и др. Для выражения **превосходства своего мнения** используется ряд средств и приемов, подчеркивающих незначительную роль информации в «зоне согласия» и важную, решающую — в «зоне несогласия». При этом отмечается ряд тенденций: а) содержание 1-й части конструкции представляется как очевидное, не требующее внимания, обсуждения; содержание же 2-й части — как требующее обращения внимания, напоминания, активизации мыслительной и эмоциональной деятельности адресата; б) в со-

ставе «зоны согласия» и «зоны несогласия» акцентируются некоторые области, особенно явно обнаруживающие ущербность согласия и значимость несогласия; при этом выделяется устойчивый набор обозначений, образующих оппозиции, правая часть которых подчеркивает большую важность «зоны несогласия» по сравнению с левой — «зоной согласия» (**теория — практика, форма — содержание, общее — частное, знания неактуальные — знания актуальные** и т.п.); в) согласие выражается слишком активно, усиленно, подчеркивается различными способами (посредством повторов, интенсификаторов и т.п.), что вызывает недоверие к утверждению в «зоне согласия». Можно заметить, что если готовность согласиться с оппонентом выражается, как правило, эксплицитно (специальными показателями согласия: *согласен, да, конечно*), то несогласие проявляется чаще всего неявно, незаметно для оппонента и читателя (при помощи частиц, семантика которых трудно поддается объяснению; акцентирования особых областей в «зоне согласия» и «зоне несогласия»; экспрессивных конструкций, повторов и т.п. Все это позволяет объяснить популярность тактики «возражение под видом согласия» в современном публичном общении не только возможностью смягчения категоричности речи, но и способностью использовать как средство манипуляции адресатом.

Список литературы

Булыгина Т.В., Шмелев Д.Д. Возражение под видом согласия // Облик слова. М., 1997.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998.

Кормилицына М.А. Наблюдение над разнообразием средств выражения личностного начала и идиостилем авторов в дискуссии «Десять дней, которые потрясли...» на страницах «Литературной газеты» (2001) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 2. Саратов, 2003.

Санников В. Русский язык в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Уздинская Е.В. Частица *-то* в диалектах и разговорной речи (функциональный аспект): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1996.

Поступила в редакцию
16.12.2010